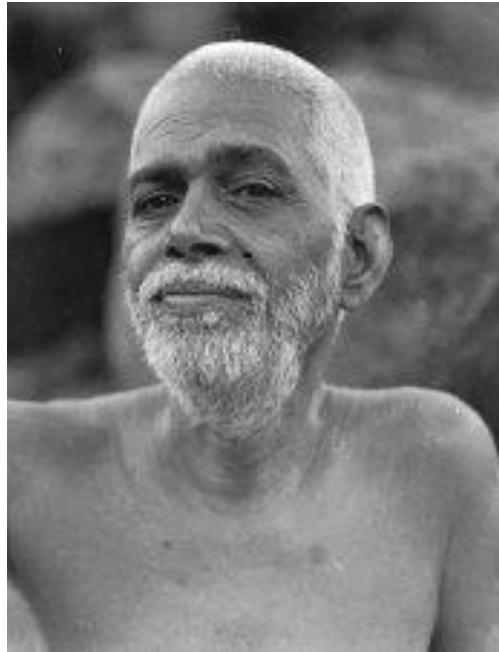


В основном о книгах

Интервью Дэвида Годмана для Мишель Микклезен



Бхагаван Шри Рамана Махарши

Несколько месяцев назад я приятно провёл около часа, освещая для моей гостыи, Мишель Микклезен, интересующий её вопрос о том, как были написаны некоторые из моих книг. Ей настолько понравились рассказанные мною истории, что она пришла ещё раз, теперь уже с магнитофоном, и попросила меня рассказать их повторно. И в этот, второй, раз она продемонстрировала нечто такое, что можно было бы назвать женским эквивалентом мужской прямолинейности, заставив меня отвечать на спонтанные вопросы, вместо того чтобы проводить интервью должным образом. Несколькими днями позднее она всё же проявила достаточную любезность, предоставив мне копию этой записи, версия которой, отредактированная мной, следует далее. Спасибо, Мишель!

Мишель: Вы не могли бы начать с рассказа о том, как вы стали писателем?

Дэвид: К этому меня привёл ряд событий. Живя рядом с Раманашрамом в 1977 году, я видел, что в ашраме хранится много хороших духовных книг, к которым не так уж легко было добраться. Они находились под замком в комнате, расположенной рядом с коровником, а ключи держал у себя угрюмый сотрудник офиса, никого в эту комнату не впускавший. Я вызвался навести среди этих книг порядок и сделать из их коллекции библиотеку, которой смогли бы пользоваться все желающие. Там были тысячи книг по всем духовным направлениям. Когда, наконец, я получил эту работу, то обнаружил,

что большинство книг было передано ашраму бесплатно – их издатели хотели, чтобы рецензии на их книги появились в издаваемом ашрамом журнале «Горный Путь». Затем я увидел, что сам процесс рецензирования находится в состоянии хаоса и умирания. Книги отправлялись рецензентам, которые либо совсем не писали на них рецензий, либо так затягивали с этим, что ко времени прихода их рецензий издание этих книг почти прекращалось. Осознав, что приток книг остановится, если я должным образом не организую процесс их рецензирования, я стал сам писать рецензии, только чтобы быть уверенным в том, что издатели удовлетворены вниманием, уделяемым их книгам. Когда редактор журнала понял, что я пишу хорошо или, по крайней мере, лучше, чем те авторы, с которыми он сотрудничал постоянно, мне была передана и другая писательская и редакторская работа. В итоге через два года я стал редактором всего журнала, в первую очередь, как я понимал, потому, что эта работа больше никому не была нужна. Сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что писателем я стал только потому, что был хорошо обеспечен литературой для чтения.

Мишель: Когда к вам пришла идея написать именно книгу, а не просто рецензию или статью?

Дэвид: Думаю, что эта идея была мне подана учителями, рядом с которыми я находился. У меня самого такой идеи не возникало. Когда в конце 1970-х гг. я посещал Нисаргадатту Махараджа, то говорил ему, что пишу рецензии для «Горного Пути». Он тогда очень пристально, почти свирепо, на меня посмотрел и сказал: «Почему ты не пишешь книг об учении? Важно именно учение». Я помню, что был очень удивлён такой постановкой вопроса. До тех пор такая мысль никогда меня не посещала. Да и после этого я ещё долго не воплощал её в жизнь, но когда, наконец, всё-таки пришёл к этому, то вспомнил и слова Махараджа, и ту силу, с которой они были сказаны. Это скорее был приказ, чем совет.



Нисаргадатта Махарадж

Махарадж побуждал меня писать об учении, одновременно отбивая у меня охоту говорить об этом публично. Где-то в 1980 году я прочёл в Дели доклад на тему учения Бхагавана. На обратном пути в Тируваннамалай я остановился в Бомбее, чтобы провести несколько дней рядом с Махараджем. Кто-то, должно быть, сказал ему о моём делийском выступлении. Когда на сатсанге он позвал меня к себе, я подошёл и сел перед ним к нему лицом. Это было то место, где обычно сидели люди, когда он с ними расправлялся.

«Нет, нет, – сказал он мне, – садись рядом со мной, лицом к людям».

Я упал духом. Я не догадывался, что он собирается делать, но знал, что мне это не понравится.

Он начал с того, что стал меня высмеивать, говоря, что, в то время как к нему приходит всего лишь каких-то сорок человек, чтобы его слушать, я только что выступил в Дели перед сотнями людей. Значит, сказал он, в этом деле я, несомненно, лучше него, и поэтому он предлагает мне выступить также и перед теми, кто собрался в его комнате. Я попытался уклониться, но, видя серьёзность его намерений, кратко изложил то, о чём говорил в Дели. Я чувствовал себя, как студент физического факультета, который пытается прочесть лекцию в присутствии Эйнштейна. Один из переводчиков Махараджа делал синхронный перевод.

Когда я закончил, Махарадж тихо сказал: «Мне не с чем спорить из того, что ты сказал. Всё, что ты говорил, верно».

И затем добавил, глядя на меня сердито: «Но не трать своё время на чтение духовных лекций, пока сам не станешь просветлённым, пока не узнаешь на собственном опыте, о чём говоришь. Иначе закончишь, как тот Уолтер Кирс».

Уолтер Кирс был учителем *адвайты* из Нидерландов. Он ездил по Европе, проводя встречи на темы *адвайты* и йоги по меньшей мере на трёх языках. Как учитель он был очень хорошим оратором, прекрасно владеющим предметом. К Махараджу он приезжал регулярно, и в каждый его приезд Махарадж кричал на него, ставя ему на вид, что он не просветлён, и запрещая ему называть себя учителем, пока просветление не будет достигнуто. Я понял и никогда с тех пор не проводил публичных выступлений.

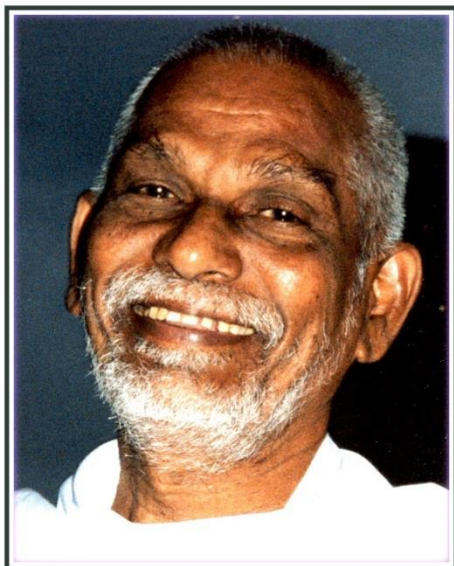
Примерно такой же совет дал мне и Пападжи. Он очень хотел, чтобы я написал о нём. Он специально вызвал меня из Тируваннамалай в Лакнау, чтобы я собрал материал для книги, которая в итоге была опубликована под названием «Ничто никогда не случилось». Когда в 1993 году я брал у него интервью для документального фильма, он мне сказал: «Когда ты приедешь на Запад, и люди спросят тебя, что происходило с тобой в Лакнау, молчи. Если они спросят снова, просто рассмейся». Он просил меня только писать, он не хотел, чтобы я рассказывал о нём перед собранием слушателей. Других людей он побуждал рассказывать о нём, а писать не просил. Разным людям давались разные указания, разные советы.



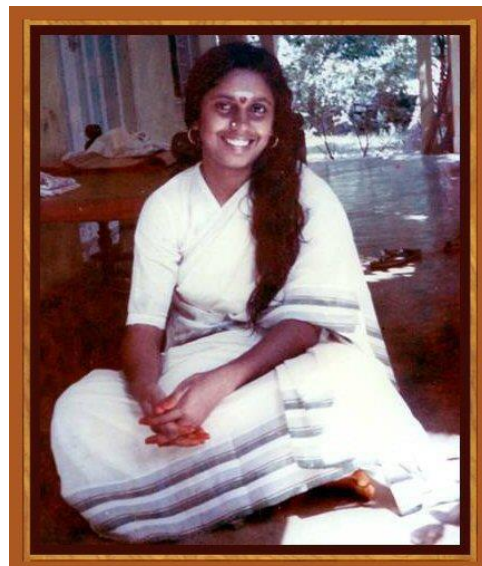
Ничто никогда не случилось

Мишель: А другие учителя просили вас писать о них?

Дэвид: Когда я впервые пришёл в ашрам Лакшманы Свами, то на самом деле это было побегом от писательства. В течение нескольких лет я работал в Раманашраме, редактируя журнал и ведя библиотеку. Теперь мне хотелось только медитировать и сидеть у стоп реализованного учителя. Через пару недель после моего прихода Лакшмана Свами попросил меня написать маленькую книжечку о Сарадамме. Он объяснил свою просьбу опасением, что она может покинуть своё тело из-за склонности погружаться в долгие, глубокие *самадхи*, из которых её трудно было возвращать в обычное сознание. Он считал, что если её появятся собственные преданные, то для общения с ними она должна будет направлять больше внимания вовне. Книга была способом сообщения миру о её существовании. Фактически на тот момент они оба были неизвестны. В тот год я провёл в их ашраме около семи месяцев. Днём, кроме Сарадаммы и Лакшманы Свами, обычно там были только я и ещё один человек. Иногда по вечерам приходило ещё несколько посетителей. А однажды, когда Сарадамма около двух недель находилась в городе со своей семьёй, то, кроме Лакшманы Свами, я был единственным, кто там жил.



Лакшмана Свами



**Матру Шри Сарада
(Сарадамма)**

Мишель: Это была вторая ваша книга, первой была «Будь тем, кто ты есть».

Дэвид: Нет, первой моей книгой была эта. Я написал её в 1982 году, но издана она была где-то в 1986-м.

Мишель: Что же случилось? Чем была вызвана такая задержка?

Дэвид: Это длинная история. Когда Лакшмана Свами попросил меня написать эту книгу, я, конечно, согласился. Он сказал, что мне нужно поговорить с Сарадаммой и услышать от неё её историю. Но, когда я хотел с ней это обсудить, она не проявила интереса к такому разговору. Она вообще не хотела никакой книги. Она не хотела, чтобы к ней сходилось множество людей, что, как она понимала, могло произойти в случае, если книга увидит свет. Её вполне устраивала та жизнь, которую она тогда вела.

Я сообщил Лакшмане Свами о нежелании Сарадаммы участвовать в этом проекте. Он решил, что сядет с ней рядом и будет заставлять её рассказывать. Он знал, что ей слишком трудно будет ему отказать, если он будет лично присутствовать при нашем разговоре. Для меня это было большой удачей, поскольку означало, что ежедневно в течение часа или около того, пока Сарадамма будет рассказывать обо всём, что происходило в её жизни, я буду видеть их обоих.

Но даже в присутствии сидящего рядом с ней и поощряющего её к разговору Лакшманы Свами, получить от неё информацию временами бывало трудно. Иногда она говорила охотно, а иногда полностью закрывалась, категорически отказываясь от разговора. Спустя примерно неделю с момента начала бесед она объявила, что откажется от дальнейшего участия в этой задумке, если половина книги не будет посвящена Лакшмане Свами. Сам Лакшмана Свами не хотел, чтобы о нём вышла книга, но в итоге был вынужден

согласиться, поскольку это было единственным средством, позволявшим добиться от Сарадаммы продолжения её рассказа. Беседы возобновились. Никто из этих двоих не хотел, чтобы книга была написана только о нём одном, каждый хотел, чтобы она была посвящена другому.

Лакшмана Свами рассказывал Сарадамме о многом из своей жизни. Она записала всё, что смогла вспомнить сама, и затем ещё поговорила с ним в частном порядке, чтобы узнать о нём больше. Вся эта информация была записана ею в большую тетрадь, которую затем она передала мне. Получив ясное представление об основе его жизненной повести, я задал ему затем большое количество дополнительных вопросов, на которые он всегда рад был ответить.

Складывалось впечатление, что память Сарадаммы буквально о каждой минуте каждого дня каждого года в период её *садханы* была почти идеальной. Из-за этого Лакшмане Свами иногда приходилось возвращать её к основной теме. Но даже при всём этом объём собираемого мной материала с каждым днём рос всё быстрее. Я уже понял, что «небольшой буклет о Сарадамме», задуманный Лакшманой Свами изначально, превращается во внушительную книгу.

И вот однажды утром, когда я пришёл на веранду Лакшманы Свами для проведения очередного сеанса интервью, он объявил: «Больше никаких исследований и интервью. Теперь ты можешь идти и писать книгу. Я хочу, чтобы ты закончил её через две недели». Я остолбенел. Мне казалось, что незаписанным оставалось ещё очень много хороших историй; что же касается написания книги за менее чем двухнедельный срок, то я даже представить себе не мог, как бы это могло осуществиться.

Причиной такого ультиматума стало стечение двух обстоятельств. Для издания книги Лакшмана Свами располагал очень малым количеством денег. Местная типография выдала ему предварительную калькуляцию, из которой следовало, что он не может себе позволить напечатать книгу большого объёма. А двухнедельный срок возник как следствие его плана, согласно которому в свой предстоящий приезд в Тируваннамалай он должен был возложить экземпляр этой книги на *самадхи* Раманы Махарши. Две недели он отвёл на написание книги мной и около месяца – на её издание.

Я принялся за работу. Первые два черновых варианта я написал от руки, а окончательный вариант распечатал на старой печатной машинке, у которой отсутствовала пара букв, так что затем мне пришлось вписывать пропущенные буквы вручную. К двухнедельному сроку я отнёсся очень серьёзно. Последние несколько дней я работал, наверное, круглосуточно. Ночь накануне сдачи рукописи я точно провёл на ногах, и думаю, что закончил работу лишь примерно за час до *даршана*, который Свами обычно давал в 9 часов утра. В те дни он был намного доступнее. Посетители могли почти ежедневно сидеть рядом с ним и задавать вопросы. Ровно в 9 утра я выполнил перед ним простирацию и вручил рукопись. В тот день Сарадаммы не было, но я не помню, почему. Он рассмеялся и сказал, что не сможет это прочитать, поскольку за день до этого разбил свои очки и новые получит только через несколько дней. Это стало первым сигналом, говорящим о том, что сроки не имели значения и смысла в штурмовщине на самом деле не было. Поскольку он ничего не мог

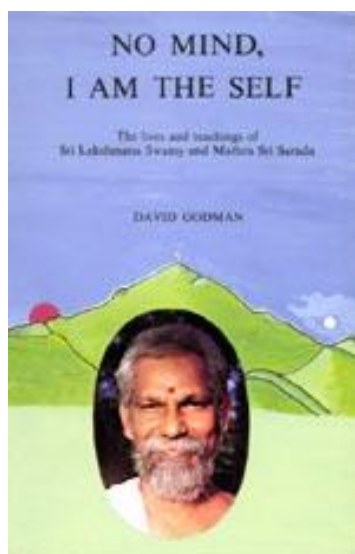
прочитать самостоятельно, то по его просьбе я прочёл ему вслух главу о том, как Сарадамма в его присутствии реализовала Атман (истинное Я). То, что он услышал, по-видимому, доставило ему удовольствие.

Около недели спустя во время утреннего *даршана* он сообщил мне, что прочёл рукопись и она ему понравилась. Он посмотрел на меня и, наверное, сказал, что я проделал хорошую работу. Я говорю «наверное», потому что я не слышал, как он это говорил. Все, кто при этом присутствовали, слышали, как он произнёс эти слова, но мой ум не зафиксировал ничего подобного. Лакшмана Свами был крайне скуп на похвалы в адрес своих преданных, кроме Сарадаммы, конечно, и думаю, что это был единственный раз, когда его лестное мнение обо мне было им высказано мне в глаза. Но я пропустил и его. Возможно, он считал, что эта похвала плохо отразится на моём эго, и каким-то образом сделал так, что сказанное им услышали все, кроме меня.

Рукопись была отдана местному преданному, у которого в Гудуре, близлежащем городе, имелся печатный станок. Однако, к сожалению, он не годился для печати книг. Думаю, что у этого человека основной продукцией для продажи были свадебные пригласительные открытки и прочая полиграфическая мелочь подобного формата. Для печати книги у его станка недоставало букв, а его главный наборщик часто бывал пьян. Людям, выросшим в эпоху широкого использования «электронных редакторов», я должен объяснить, что когда-то «давным-давно» книги набирались буква за буквой: малюсенькие металлические буквы-литеры вставлялись в специальные канавки, вырезанные в деревянных печатных формах, на их металлические поверхности наносились чернила, после чего делался пробный отпечаток страницы или корректурный оттиск. После того, как ошибки исправлялись, металлические буквы извлекались из деревянных форм и переставлялись заново согласно исправленному тексту. Возможно, от всего этого веет средневековьем, но на самом деле это и было тем методом, который пережил многие усовершенствования и с помощью которого печаталось большинство книг во всём мире вплоть до 1980-х гг. Специалисты справлялись с этим довольно быстро, новичку же на освоение этого метода могло потребоваться немало месяцев. Что, собственно, и произошло. Ко времени поездки в Раманашрам было набрано всего лишь несколько страниц, в текстах которых к тому же было полно ошибок. Когда, наконец, стало ясно, что станок не справляется с этой работой, то заодно обнаружилось, что и деньги, предназначенные для оплаты печати, уже потрачены на другие нужды. Несколько лет рукопись пролежала на полке и была издана лишь в 1986 году после отклика одного американского преданного, предложившего оплатить её печать в крупной типографии. Перед тем, как в 1986 году книга была напечатана, я воспользовался случаем, чтобы дополнить её ещё несколькими историями, рассказанными в период проведения интервью, и, помимо этого, я ещё раз прошёлся по тексту для улучшения стиля. Первый вариант создавался в крайней спешке, и в нескольких местах это было заметно.

Мишель: А Лакшмана Свами и Сарадамма просматривали текст книги перед её изданием?

Дэвид: О да, к редакторской работе они оба отнеслись очень серьезно. Лакшмана Свами достаточно хорошо владеет английским, поскольку он изучал его в школе и колледже. Думаю, что он перечитал рукопись четыре или пять раз, и каждый раз, когда он возвращал её мне после очередного прочтения, в ней либо была вычеркнута часть текста, либо на полях добавлены новые комментарии. Когда текст, наконец, его удовлетворил, один из преданных, хорошо владевший телугу и английским, прочёл его вслух Сарадамме, и она тоже внесла некоторые поправки. Это была только их книга, их история. А я был лишь исполнителем, помогшим придать ей форму.



Ум исчез, я – Сущее

Мишель: Давайте теперь перейдём к книге «Будь тем, кто ты есть». Именно эту книгу связывает с вами большинство людей. Как она возникла?

Дэвид: В 1983 году я вернулся в Англию, надеясь найти работу. Я прожил в Индии семь лет и в течение последних пяти лет материальную поддержку получал в основном от Раманашрама, поскольку выполнял там разную работу: вёл библиотеку, редактировал журнал и так далее. Я планировал вернуться в Индию с достаточным количеством денег, чтобы быть финансово независимым. Я хотел жить за пределами ашрама, обеспечивая себя самостоятельно и посвящая больше времени медитации, мне не хотелось быть зависимым в отношении питания и жилья ни от какой организации. Однако ничего из этого не вышло. Меня не брали ни на какую работу. Я разослал массу заявок о приёме на те виды работ, к которым считал себя наиболее подготовленным, и либо совсем не получил на них ответа, либо получил письма-отказы, содержание которых было откровенно оскорбительным. В Индии я основал библиотеку и вёл её в течение пяти лет, но когда я здесь подал заявление на замещение вакансии смотрителя частной библиотеки, которая была даже меньше оставленной мной в Тируваннамалае, то получил ответ такого содержания: «Дорогой мистер Годман, большое спасибо за ваше весьма

занимательное заявление. Однако мы предпочли бы принять того, кто подходит для этой работы». И так продолжалось месяцами. Я провалил собеседование даже на должность уборщика мусора, поскольку засмеялся в неподходящий момент. В «Евангелии от Махарши» Бхагаван говорит, что если работать вам суждено судьбой, то избежать этого не удастся, а если суждено не работать, то не имеет значения, насколько усердно вы стараетесь найти работу, – вас всё равно никто не примет. Со мной такое произошло летом 1983 года. Чего я в то время не понимал, так это того, что относительно меня у Бхагавана были другие планы. Домовладелец, у которого я остановился, был преподавателем философии в Лестерском университете, такая же профессия была и у его жены. И вот этот человек относит рукопись своей жены редактору одного из лондонских издательств.

Редактор, узнав, что муж тоже преподаёт философию, сказала: «Почему бы и вам не написать для нас книгу? Мы всегда заинтересованы в новых книгах по философской тематике».

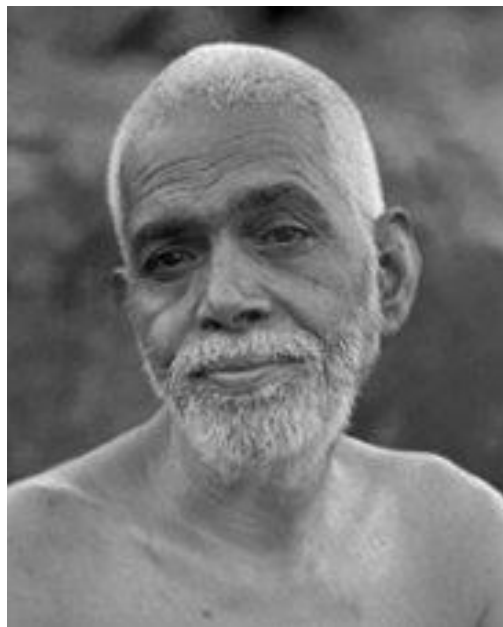
Узнав об этом, я оживился. Это было тем, что мог бы сделать я. Я позвонил этому редактору и спросил, не интересуется ли её книга о Рамане Махарши. Её ответ меня поразил:

«Немедленно приходите в мой офис. Не ходите больше никуда. Вы нам нужны. Приходите прямо сейчас».

После многих месяцев отказов такой поворот событий казался невероятным. В уме я быстро набросал приблизительный план книги и несколько часов спустя обсудил его с редактором. Она навела справки о статистике сбыта по нескольким книгам о Рамане, опубликованным на Западе, и сказала: «Мы это сделаем». Вот так просто всё это произошло. Со мной подписали контракт, после чего я был отправлен в Индию для написания «Будь тем, кто ты есть». Я был этим изумлён, поскольку всегда верил в один распространённый миф о писательской деятельности, суть которого заключалась в том, что потенциальный писатель сначала месяцами или годами пишет книгу, после чего столько же времени тратит на рассылку рукописи по разным издательствам, из которых всегда приходит отказ; и лишь затем, если он или она окажутся везучими, то сто первый издатель, наконец, скажет: «Да».

Моей судьбой было вернуться в Индию и писать книги о Бхагаване, его учении и учениках. Если я пытался делать что-то другое, то мне не удавалось это осуществить.

Когда в 1982 году я ушёл в Лакшмана Ашрам, это было бегством от писательской и редакторской работы, которой я был занят в Раманаашраме. Но уже через две недели я писал книгу и здесь. Когда на следующий год я уехал в Англию, надеясь собрать достаточно средств, чтобы не заниматься писательством в Индии, всё закончилось тем, что вернулся я сюда с контрактом на книгу о Бхагаване. И, по сути, с тех пор это является моей работой, моей судьбой. Теперь я с этим уже не борюсь. Теперь я этим наслаждаюсь.



Шри Рамана Махарши

Мишель: Книга «Будь тем, кто ты есть» имела большой успех. Большинство из людей, прочитавших только какую-нибудь одну книгу об учении Бхагавана, вероятнее всего, прочли именно эту. Почему, на ваш взгляд, её покупает и высоко ценит так много людей? Ведь есть ещё много других книг о его учении.

Дэвид: Эта книга потому была хорошо принята за пределами Индии, что её компоновка позволяла сделать учение доступным и понятным. Учение Бхагавана может быть очень неясным, если вы не знакомы с ведантой, или если вы не понимаете, что разным людям он даёт разные ответы на одни и те же вопросы. Думаю, что успех книги объясняется тем, что читателю был дан правильный набор ключевых понятий, позволявший понимать как все те различные вещи, о которых говорил Бхагаван, так и все уровни учения.

Когда я пришёл на первую встречу с лондонским редактором, она попросила меня показать ей план книги. Мне нечего было ей показывать, поскольку я успел сделать лишь мысленный набросок такого плана незадолго до встречи.

Я ей сказал:

– Я дам вам свой экземпляр книги «Беседы с Раманой Махарши». В ней собрана самая большая коллекция его диалогов. Я собираюсь взять оттуда большое количество цитат.

Когда через пару дней я пришёл за книгой, лицо редактора выражало замешательство.

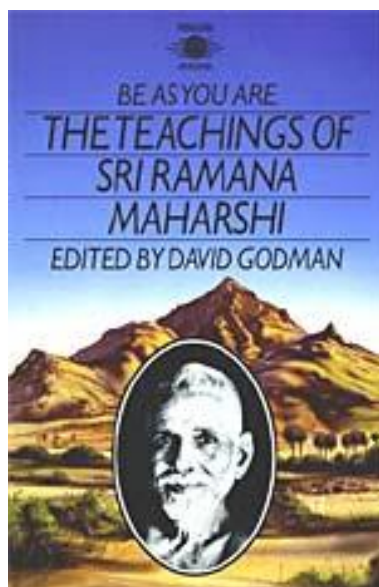
– Надеюсь, что ваша книга будет лучше этой, – сказала она. – В этой я не поняла ни слова.

А ведь эта женщина была ответственным редактором отдела духовной литературы ведущего лондонского издательства. Если уж такие люди не понимают учения Бхагавана, читая книги вроде «Бесед...», то это даёт

достаточно оснований для предположения, что и большинство других людей тоже не могут извлечь оттуда много смысла.

Другим фактором, повлиявшим на такую успешность книги, было то, что издательство «Пингвин» смогло очень хорошо её продвинуть. В 1980-е и 1990-е годы меня просто поражало это количество всевозможных мест, где я видел её в продаже. Если на полках какого-нибудь книжного магазина находилось всего десять духовных книг, то среди них обязательно была и эта. Для многих западных людей знакомство с Бхагаваном произошло благодаря книге «Будь тем, кто ты есть» только потому, что она была единственной книгой о его учении, когда-либо появлявшейся на полках их местного книжного магазина.

Помню, как где-то в 1990-м году мы с моим отцом и его второй женой зашли в бутик в Пондишери. Они тогда бегали по магазинам, гоняясь за дешёвой одеждой и сувенирами. Возле кассы стоял журнальный стеллаж, на одной из полок которого были выставлены для продажи четыре книги. Одной из этих книг был кулинарный бестселлер Делии Смит. Ещё двумя были триллеры одного известного автора, пишущего в жанре дорожной беллетристики, а четвёртой книгой была «Будь тем, кто ты есть». Мой отец был весьма впечатлён, обнаружив меня в такой компании. Судя по тому, что он говорил обо мне другим людям, его не очень-то вдохновляла жизнь, которую я для себя избрал.



Будь тем, кто ты есть

Мишель: Как долго вы работали над созданием этой книги?

Дэвид: Думаю, что на это у меня ушло два или три месяца. Я занимался этим в основном в свободное время. Вернувшись в Индию, я снова взялся за ведение библиотеки Раманашрама – работу, не предусматривавшую выходных. Над книгой я работал по вечерам. Но если подать процесс создания книги лишь в таком свете, то это не даст о нём правильного представления, поскольку я читал

и изучал литературу о Рамане на протяжении всех предыдущих семи лет, и, кроме этого, в течение нескольких лет я весьма интенсивно практиковал самоисследование. Плюс ко всему, у меня было много дискуссий и споров по всем аспектам учения с другими преданными. Всё это привело к тому пониманию, которое затем было представлено в книге. Если музыкант говорит вам, что он потратил на разучивание нового музыкального произведения всего лишь неделю, то под этим следует понимать, что на протяжении нескольких лет до прихода этой недели он занимался развитием навыков работы со своим инструментом. Книгу я собрал за несколько недель, но должен при этом заметить, что она стала кульминацией нескольких лет изучения теории и практики.

Мишель: Вы сказали, что вы печатали «Ум исчез, я – Сущее» на сломанной пишущей машинке. Улучшились ли ваши технические условия к моменту написания «Будь тем, кто ты есть»?

Дэвид: На самом деле, нет. У меня даже и пишущей машинки не было. Я вынужден был её одалживать, чтобы напечатать финальный вариант. Перед началом работы над книгой я купил в книжном магазине ашрама по одному экземпляру всех книг о Рамане, которые могли мне понадобиться. Затем я вырезал из них все диалоги об учении. После этого я отобрал вырезки с диалогами по каждому аспекту учения и прикрепил их к чистым листам бумаги в нужном мне порядке. Это было классической текстовой обработкой – «вырезать-вставить», в точности соответствовавшей приёмам современных текстовых редакторов; я же вместо компьютера использовал ножницы и степлер. Не думаю, что компьютер я увидел раньше, чем через пять лет после этого. Когда я чувствовал, что последовательность цитат меня удовлетворяет, я писал краткое вступление к каждой главе и затем печатал главу целиком. Редакция ограничила мою книгу 80-ю тысячами слов. Мне хотелось максимально эффективно воспользоваться этим объёмом и дать в книге максимально возможное количество информации об учении Бхагавана. Это значило, что мои вступительные разъяснения должны были быть краткими и информативными. Иногда полезно иметь такие ограничения – это заставляет лучше сосредотачиваться на главном в учении. Кроме того, необходимость формулирования сложной идеи так, что оно должно занять только полстраницы, является хорошей проверкой понимания этой идеи.

Мишель: После выхода в свет «Будь тем, кто ты есть» и «Ум исчез, я – Сущее» многие годы вы больше не публиковались. Чем вы занимались?

Дэвид: На самом деле в те годы я много писал и занимался исследовательской деятельностью, но ничего из этого, по крайней мере, в виде книги опубликовано не было. Я решил написать книгу обо всех святых, жизни которых были связаны с Аруначалой в последние полторы тысячи лет. За это время сюда приходило много святых, здесь они жили и учили. Их учения есть на тамильском и санскрите, но практически ничего из этого не издавалось на английском. Я решил собрать как можно больше материала и затем найти

людей, которые бы перевели его для меня. Однако с людьми, которые сотрудничали со мной в рамках этого проекта, случилось столько либо плохих, либо странных и необъяснимых вещей, что я начал верить в то, что на этом проекте нет благословения Аруначалы.

Это происходило давно. Посмотрим, смогу ли я вспомнить всё. Мой друг Роберт Батлер изучал классический литературный тамильский язык. Он предложил мне свою помощь в переводе некоторых стихов, но, поскольку он был новичком в переводах с тамильского, ему хотелось, чтобы переведенное им проверил кто-нибудь более сведущий в тамильском. Роберт обратился к Садху Ому, который считался лучшим поэтом, пишущим на тамильском, и лучшим филологом в округе Раманашрама, с просьбой проверить несколько стихов, чтобы определить, обладает ли он достаточным пониманием для продолжения этой работы. Садху Ом ответил, что он очень занят другой работой, но обещал при случае это сделать. Недели шли, но ничего не продвигалось. Затем Майкл Джеймс, главный помощник Садху Ома, подошёл ко мне и сказал, что завтра Садху Ом обещал проверить стихи. Майкл положил их на его стол, чтобы на следующее утро он мог к ним приступить. Однако в ту ночь у Садху Ома случился инсульт, от которого он уже не оправился. Через несколько дней он умер.

Роберт тем временем поехал в Англию, чтобы повидаться со своей семьёй. Пока он там находился, была введена визовая система для англичан и других жителей стран-участниц Содружества. Роберт захотел вернуться в Индию с визой, которая позволила бы ему постоянно находиться в ашраме, где он надеялся продолжить нашу совместную работу. Я попросил президента Раманашрама предоставить ему завизированное поручительское письмо, в котором бы говорилось, что Роберт едет в ашрам для выполнения волонтерской работы. Обычно на открытие такой визы уходит три месяца, но его заявление рассматривалось больше года без каких-либо уведомлений со стороны государственных служб. Наконец, кто-то в Дели связался с ашрамом, чтобы проверить, на самом ли деле ашрам заинтересован в Роберте. И тут какой-то человек, ничего не знавший о существующей договорённости, написал в ответном письме, что в ашраме никогда не слышали о Роберте и что его не ждут здесь на работу. Это письмо успешно оставило Роберта в безвыходном положении в Англии, поскольку правительство Индии было убеждено в том, что он сфабриковал своё заявление на получение визы.

После этого я обратился к известному тамильскому переводчику Ванмикинатану и рад был услышать о его согласии мне помочь. Я дал ему пятьдесят три стиха из *Теварама*, сочинённых известными святыми, которые были связаны с Аруначалой в период с VI по IX вв. Это была работа не из лёгких, здесь требовались экспертные знания об этом периоде тамильской литературы. Ванмикинатан уже переводил и публиковал поэзию той эпохи, так что я был очень рад его участию в реализации моего плана. Через несколько дней я получил от него письмо, в котором он сообщал, что работа уже закончена и что он сделает чистовую копию и на следующий же день отправит мне её по почте. Я был впечатлён его скоростью. Несколькими днями позднее я получил от него ещё одно письмо, содержание которого было примерно таким:

«Дорогой мистер Годман, я перевёл ваши стихи и оставил их на своём столе, собираясь позже переписать. Однако порыв ветра, ворвавшийся в окно, поднял листы с работой и вынес их в сад. Выйдя из дома, чтобы их подобрать, я нигде не обнаружил их следов».

Кончилось тем, что дальше ему пришлось вовлечься в затяжное разбирательство с Рамакришна Матхом в Мадрасе по поводу книги, которую он для них перевёл, и я лишился его услуг. Какое-то время мне помогала Ратна Наваратнам, филолог со Шри-Ланки, которая была знатоком древнего тамильского и преданной Бхагавана. Я не помню, почему она перестала со мной сотрудничать. В её случае не произошло ничего плохого, иначе я бы это запомнил. Однако в эту драму оказался вовлечённым ещё один иностранный филолог. Мария Тоннэйр была американкой, собиравшейся писать докторскую диссертацию по «Аруначала Махатмьям», санскритскому труду, содержащему все пуранические истории и легенды об Аруначале. Она планировала переехать в Тируваннамалай вместе со своим сыном и всю работу проделать здесь. Она договорилась, чтобы её сын мог год здесь учиться по французской школьной программе посредством почтовой переписки. Я помогал ей улаживать все бумажные формальности с индийской стороны. Я зарегистрировал её в Мадрасском университете и нашёл там профессора санскрита, который должен был стать её формальным научным руководителем, поскольку без него здесь она не могла писать диссертацию. Причиной того, что я взял на себя эти хлопоты, было её обещание перевести для меня «Аруначала Пуранам» за время её пребывания здесь. Это тамильский труд, большинство историй которого имелось также и в «Аруначала Махатмьям». Всё уже было подготовлено к её приезду, но индийское посольство в Париже выдало ей для заполнения неправильную форму заявления – на получение туристической визы, и в процессе рассмотрения это заявление было отклонено, поскольку заниматься научными исследованиями по туристической визе в Индии не разрешается. Она вынуждена была отказаться от всех своих исследовательских планов и остаться во Франции со своим мужем и сыном. Если вам отказывали в выдаче визы, то заново подать заявление вы уже не могли, даже если это было ошибкой ответственных служб, выдавших вам неправильную форму. Я же потерял ещё один ресурс.

Пока всё это происходило, я продолжал собирать материал. В Мадрасской государственной библиотеке рукописей я нашёл другую версию «Аруначала Махатмьям», имеющую название «Коди Рудра Самхита». Поскольку этот труд написан на пальмовых листьях, я нанял пандита, чтобы он в библиотеке сделал мне его копию. Единственным знакомым мне человеком, владевшим санскритом в достаточной степени, чтобы взяться за перевод, был преданный по имени Джагадиш Свами, живший в Раманашраме. Я дал ему ксерокопию, которую он пообещал просмотреть и определиться, сможет ли он это перевести. Но, так и не успев это сделать, он умер во время медитации в своей комнате. Вечером, как всегда, он сидел, медитируя со скрещенными ногами на металлическом стуле, который наверняка был очень неудобным, и был обнаружен на следующее утро всё ещё ровно сидящим, со скрещенными ногами, но уже мёртвым. Думаю, что это был хороший путь оставления тела, но в то же время я искренне надеялся, что это не было связано с моей рукописью.

Дня через два я совершал *прадакшину* вокруг Аруначалы. Дойдя до храма Ганеша и водоёма, проделав, таким образом, треть пути, я повернулся лицом к горе.

Я обратился к Шиве с такими словами: «Слишком много плохого происходит вокруг этого проекта. Если ты не хочешь, чтобы я продолжал работать над ним, пошли мне знак».

Должен ещё упомянуть, что я уже спрашивал Сарадамму в Лакшмана Ашраме, стоит ли мне продолжать эту работу, и она отказалась от любого вмешательства в эту ситуацию. Она сказала, что не хочет брать на себя ответственность за это. До этого я уже рассказывал ей о некоторых неприятных случаях, происшедших в ходе этой работы. Мне бы следовало ещё тогда понять, что отсутствие у неё энтузиазма является сигналом к остановке.

Но, как бы там ни было, примерно через день я получил счёт от человека из Мадраса, сделавшего для меня копию «Коди Рудра Самхита». На тот момент я был уверен, что уже давно оплатил этот счёт. И хотя это событие было незначительным, я принял его как знак того, что я должен остановиться.

По сравнению с другими людьми, которые были задействованы в этом проекте, я отделался скорее легко. В период работы над проектом я успел сломать бедро и провести три месяца в устройстве для скелетного вытяжения, но всё же с некоторыми другими людьми случились вещи намного более серьёзные.

Кое-что из того, что я успел написать, в конце концов действительно появилось в «Горном Пути», журнале ашрама, но не под моим именем. Моё имя обычно стояло под статьями, которые я писал о Бхагаване, но если у меня был другой материал для печати, то я подписывался другим именем. К примеру, одному человеку удалось получить для въезда в Индию учебную визу, но никакой учёбой он не занимался, а только медитировал. Я поместил в журнал пару статей, подписавшись его именем, чтобы в случае проверки у него было чем отчитаться перед властями. Ещё один мой друг, Надя Сутара, жила какое-то время в храме Гухай Намашивая, расположенном на горе. Но, учитывая, что её шансы на длительное пребывание в этом месте были не очень надёжными, я подписал две статьи – о Гухай Намашивая и Гуру Намашивая – её именем в надежде, что на человека, отвечающего за этот храм, они произведут достаточное впечатление, чтобы позволить ей продолжать там оставаться.



Гопурам над входом в храм Гухай Намашивая

Мишель: Потрясающе! Вам повезло, что вы остались живы. Чем вы занялись после срыва этого проекта?

Дэвид: Я начал собирать воспоминания старых преданных Раманы Махарши, в частности те, которые ещё не были изданы на английском. Моей целью было собрать большую однотомную антологию, в которой истории каждого преданного была бы посвящена отдельная глава. Я нашёл много хорошего материала, но книга увидела свет только совсем недавно. Я должен был отодвинуть работу над ней на второй план, поскольку возникли новые, более захватывающие и привлекательные проекты.

Где-то около 1987 года я обратился к Аннамалаю Свами с просьбой дать интервью для моей книги. Я знал, что в 1930-х гг. он работал в ашраме с Бхагаваном и надеялся, что получится хорошая глава с его воспоминаниями. Переводчик Аннамалай Свами, бывший моим хорошим другом, говорил с ним на эту тему, но согласия на проведение интервью получить не смог. Несколько недель подряд Аннамалай Свами упорно отказывался рассказывать мне свою историю. И вдруг Сундарама, его переводчика, озарила идея.

Он сказал Аннамалаю Свами: «Дэвид уже написал одну хорошую книгу об учении Бхагавана. Многие приходящие сюда иностранцы говорят, что это лучшая книга об учении Бхагавана».

Аннамалай Свами это заинтриговало, поскольку он сам ежедневно в течение примерно часа отвечал на вопросы посетителей о Бхагаване и его учении. Он начал привлекать в свой ашрам иностранцев, соглашаясь с ними говорить лишь при условии, что темой разговоров будет Бхагаван. Другие темы он не хотел обсуждать. Бхагаван дал ему указание держаться в стороне от общения, оставаться дома и посвящать медитации максимальное количество времени. Людей, желавших медитировать вместе с ним, он отправлял заниматься этим в Раманашрам, однако тех людей, у которых были вопросы по духовной практике или учению Бхагавана, он обычно принимал, но оставались они у него ровно столько времени, сколько ему требовалось, чтобы ответить на

их вопросы. К нему было трудно попасть, не говоря уже о том, чтобы находиться рядом с ним долго.



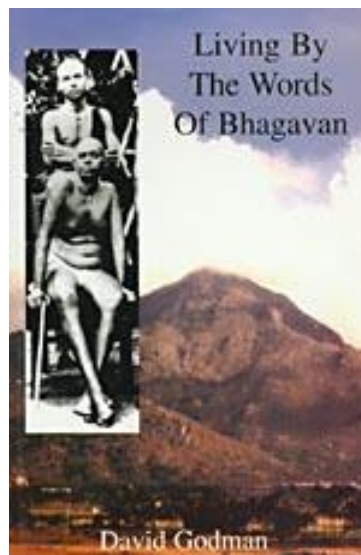
Аннамай Свами

Аннамай Свами дал указание Сундараму раздобыть экземпляр «Будь тем, кто ты есть» и прочесть эту книгу ему вслух. Он не очень хорошо знал английский, поэтому Сундараму по ходу чтения приходилось переводить. Аннамай Свами прослушал книгу почти до конца и лишь после этого наконец решил, что будет со мной говорить.

Когда я встретился с ним, он сказал: «Ты хорошо понимаешь учение Бхагавана. Я уверен, что, если я тебе что-нибудь расскажу, ты затем не исказишь мои слова».

Одна очень плохая книга о его жизни уже была издана на тамильском, автором её был Суддхананада Бхарати, и Аннамай Свами не хотелось, чтобы вышла ещё одна плохая версия его биографии.

До этого Аннамай Свами никому не рассказывал историю своей жизни, или, лучше сказать, не делал этого в систематическом порядке. Он рассказывал Сундараму и некоторым другим людям разрозненные истории, но никогда не объединял их в одно целое. В течение следующих нескольких недель я приходил к нему каждый день и проводил с ним полтора-два часа беседы. Вскоре я понял, что это будет не просто глава в моей книге. Материал, который он мне давал, был настолько удивительным и обширным, что я понимал, что в моих руках рождается проект полноформатной книги. Когда интервью были завершены, для создания книги «Живя словами Бхагавана» мне потребовалось ещё почти полтора года непрерывной, требующей терпения работы и детальных исследований.



Живя словами Бхагавана

Аннамай Свами был для меня своего рода вдохновителем. Казалось, что в нём нашли своё выражение и воплощение все те качества, которыми должен обладать хороший преданный для надлежащего общения со своим Гуру и ведения своего ашрама. Я восхищался его цельностью и непоколебимой решимостью выполнять указания Бхагавана, невзирая на последствия. Именно поэтому я дал этой книге название «Живя словами Бхагавана». Вся жизнь Аннамай Свами была посвящена воплощению в жизнь слов его Гуру.

Когда Сундарам прочёл вслух окончательный вариант книги, Аннамай Свами был очень рад услышанному. Однако, когда он организовал повторное чтение для тамильских преданных, не понимавших английского, некоторые из них заметили ему, что отдельные истории могут вовлечь его в неприятности с руководством Раманашрама. Он признал это вполне вероятным. Затем он послал за мной, дал мне указание спрятать рукопись и никому её не показывать.

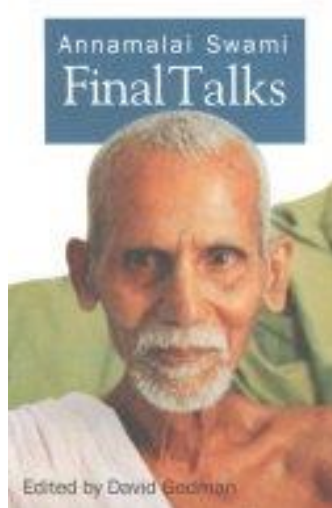
«Когда я умру, – сказал он, – ты можешь делать с ней всё, что сочтёшь нужным, но до этого не давай её читать никому. Бхагаван сказал мне вести тихую жизнь и не встречаться с большим количеством людей. Я не смогу следовать его указаниям, если в результате публикации этой книги ко мне начнёт сходиться много людей, и я не хочу, чтобы моя жизнь была потревожена людьми, которые придут сюда жаловаться по поводу некоторых из этих историй».

Думаю, что это был 1987 год. Книгу я отложил и не доставал её вплоть до 1994 года. В том году он изменил своё мнение и разрешил её издать. Через год он умер. Думаю, что он был прав, отложив публикацию. Издание этой книги действительно привлекло много новых людей, и некоторые из них действительно приходили выражать своё недовольство отдельными историями.



**Аннамалай Свами,
Сундарам (его помощник и переводчик) и Дэвид Годман.**

В последние несколько месяцев жизни Аннамалай Свами ответы, которые он давал посетителям, записывались на магнитофон. По просьбе Сундарам я опубликовал эти диалоги в ещё одной книге, названной «Аннамалай Свами. Последние беседы», которая, на мой взгляд, является хорошим дополнением к его биографии.



Аннамалай Свами. Последние беседы.

Мишель: Похоже, что мы уже заполнили белые пятна на карте ваших 80-х. А что вы делали дальше?

Дэвид: Я продолжал собирать информацию о старых преданных Бхагавана и, начиная где-то с 1988 года, помогал Лакшмане Свами и Сарадамме с обустройством купленной ими здесь земли.

Лакшмана Свами несколько раз говорил, что хотел бы снова переехать в Тируваннамалай. Он попросил Сундарاما, переводчика Аннамалая Свами, и меня поискать земельный участок, который мог бы его устроить. Мы нашли несколько участков, но каждый раз, когда Лакшмана Свами приезжал на них посмотреть, он находил их недостаточно привлекательными. Один раз мы всё же договорились о покупке земельного участка, расположенного рядом с местом пересечения пути *прадакшины* и бангалорской дороги, но после того, как цена была уже согласована, его владелец передумал его продавать.

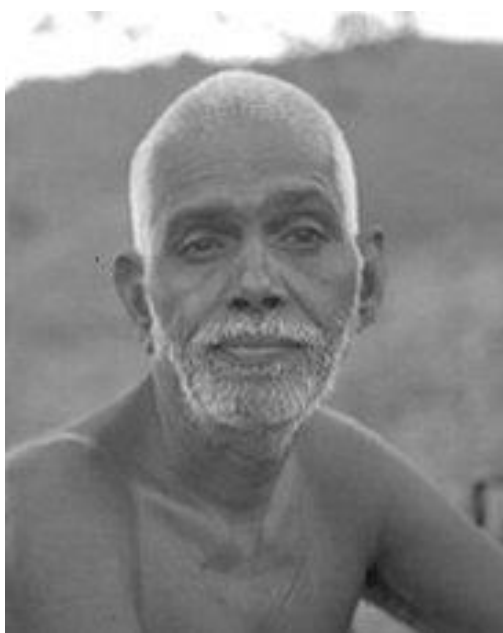
Позже нашёлся участок земли на рынке, находившемся за Государственным Художественным Колледжем. К нашему удивлению, Лакшмана Свами распорядился его купить даже без предварительного личного осмотра. Похоже было, что именно в этом месте Свами останавливался в начале 1950-х гг., когда у него было внезапное видение о том, что он будет здесь жить через сорок лет. В следующий свой приезд в Тируваннамалай он осмотрел участок и подтвердил, что это действительно то место, где к нему пришло видение. Он заставил нас побегать в поисках других участков, нам пришлось вести переговоры об их покупке, но каким-то образом ему, наверное, всё же было известно, что в конечном итоге жить он будет именно на этом месте.

Я предложил ему свою помощь в устройстве сада. Когда мы только начинали, участок представлял собой лишь голое пространство, причём действительно до такой степени пустынное, что нам пришлось пригласить государственного земельного инспектора, чтобы он определил, где кончается наш пустырь и начинаются пустыри соседей. Мы промерили участок, оградили его, вырыли колодец и начали посадку саженцев. В колодце вода не появилась, поэтому нам пришлось провести трубу к колодцу соседей и покупать у них воду. В течение трёх лет я проводил в этом саду по несколько часов в день, заботясь о его деревьях и цветах. Это было трудное время для такого занятия, поскольку в тот период здесь была засуха. Несколько лет подряд сезон дождей не оправдывал ожиданий. Строительство дома для Лакшманы Свами и Сарадаммы уже началось, но было приостановлено из-за того, что закончилась вода. Мы могли бы привозить воду в цистернах, но обнаружили, что она была слишком солёной для использования в строительных работах. Такая вода могла вызвать ржавление железа внутри цемента. Когда работы прекратились, мне пришлось стать ночным сторожем этого участка. В доме лежало много инструмента и мешков с цементом, но не было ни дверей, ни окон, которые бы запирались и могли всё это уберечь от воров. Думаю, что я спал на этой строительной площадке большую часть года, присматривая за имуществом и ожидая дождей, которые позволили бы нам продолжить работы. Для поддержания жизни сада два лета подряд я покупал воду, привозимую в цистернах. Все соседские колодцы пересохли.

Я продолжал жить в Раманашраме, работая над своим проектом, собирая и редактируя истории преданных Раманы. В 1990 году я написал Пападжи в Лакнау, чтобы узнать, есть ли у него желание, чтобы его рассказ тоже попал в эту книгу. В ответном письме он сообщил, что был бы рад, если бы он появился в книге, но при этом добавил, что сам он писать его не хочет. Он попросил меня предоставить ему список вопросов, на которые он постарался бы очень хорошо

ответить устно, а сам разговор он предложил записать на магнитофон. Идея выглядела заманчиво. Однако очередь до её осуществления дошла у него только через несколько месяцев, и когда он, наконец, к этому приступил, то посвятил всего лишь час рассказу о ранних годах своей жизни и об общении с Бхагаваном. Кроме этого, в его рассказе обнаружились большие противоречия, но, когда я написал ему, прося разъяснений, он просто ещё раз повторил те же истории. В 1992 году я решил поехать к нему в надежде, что мне удастся привести его рассказ в порядок. Я провёл рядом с ним две сумбурные недели, сумбурные, поскольку через три дня после моего приезда умерла его жена, из-за чего его обычный распорядок нарушился. Собралась его семья, состоялась поездка в Хардвар для предания праха водам Ганги, однако между всеми этими приходами и уходами мне всё же удалось получить большую часть тех сведений, которые были мне нужны. Причём большое количество информации было получено во время беседы, происшедшей в последний момент, буквально за час до отхода моего поезда. Вот такой была эта поездка.

В Тируваннамалае я просмотрел все свои записи и на их основе сделал пятидесятистраничное описание жизни Пападжи, освещающее главным образом его ранние годы и встречи с Бхагаваном. Тогда я не интересовался тем, что происходило после 1950 года. Однако и относительно этого описания у меня оставались некоторые сомнения, поскольку было ещё несколько событий, для которых я не смог найти правильного места в общем ходе повествования, а между тем Пападжи эти события нравились. Он пригласил меня вернуться в Лакнау, сказав, что у него есть ещё много историй, которые он хотел бы мне рассказать. Я приехал в марте 1993 года, собираясь пробыть там недолго, а в итоге остался там до самого его ухода в 1997 году.



Шри Рамана Махарши

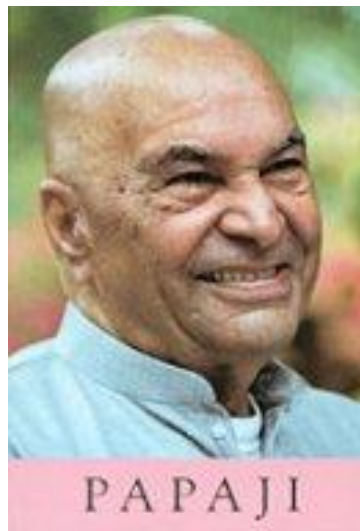
Мишель: Чем же вы были так привлечены? Что заставило вас принять решение остаться на столь долгий срок?

Дэвид: Прежде всего, я чувствовал его силу и покой, исходящий от него. Он принадлежал к линии Раманы, пропагандировал его учение и излучал реально ощутимую *шакти*, заставлявшую умолкать умы окружавших его людей и в некоторых случаях дававшую им временные переживания Атмана. Атмосфера была пьянящей, заразной, почти каждый день люди переживали поразительные состояния. И в довершение всего у меня было его обещание рассказать о себе ещё больше невероятных историй. Первая моя поездка к нему была чем-то вроде «грабительского налёта». Моё время тогда было слишком ограниченным. И в разгар всех происходивших тогда событий, связанных с похоронами, я должен был ещё и постоянно напоминать ему о том, что наше время ограничено и что мне бы хотелось поговорить с ним о его жизни. Приехав к нему во второй раз, я ждал уже его собственной инициативы, но, как ни странно, он с этим не спешил. Пригласив меня для того, чтобы рассказывать мне свои истории, он не проявлял к этому никакого интереса.

Через две недели после моего приезда мне дали проект книги, с которым не смог справиться другой человек. Немецкого доктора Габби попросили собрать беседы, которые Пападжи вёл с разными посетителями, и составить из них книгу. Ей пришлось немного с этим побороться, поскольку английский не был её родным языком. Меня попросили ей помочь, и, когда она через несколько недель уехала из Лакнау, весь этот проект перешёл ко мне. Я хотел уделить ему достаточное количество времени и сделать всё должным образом, но Пападжи хотел, чтобы книга была издана срочно. У него не хватало терпения на долгие, затяжные проекты. Его девизом было что-то вроде: «Сделай это и сделай это сейчас!»

Ежедневно я давал ему читать то, что успевал сделать, но мне потребовалось довольно много времени, чтобы понять, какой стиль ему нравится. А удалось мне это, наконец, когда я дал ему рукопись прямо перед обедом. Пообедав, он забрал её в свою комнату и там прочёл. Когда около четырёх часов вечера я пришёл к нему снова, меня ждал большой арбуз с моим именем на нём, и, когда затем я увидел Пападжи, он воскликнул: «Это именно то, что мне нужно! Где остальное? Я хочу прочесть остальное». За этим последовала его реакция, похожая на разочарование из-за того, что я не смог моментально материализовать прямо из воздуха всю книгу, причём именно в тот момент, когда он этого пожелал.

После этого случая и осознания, что ему было нужно, работа у меня пошла легко. Думаю, что книгу я завершил примерно через два месяца, что, на взгляд Пападжи, наверняка было чересчур медленным делом. Кстати, это была книга «Интервью с Пападжи».



Интервью с Пападжи

Ещё одной причиной задержки было то, что Пападжи привлёк меня ещё и к созданию фильма. Американский кинематографист Джим Лемкин приехал в Лакнау и спросил у Пападжи разрешения снять документальный фильм о нём и его учении. Пападжи согласился и отправил меня ему помогать в качестве помощника, интервьюера и главного консультанта. Я не знаю, почему эта работа досталась мне. До этого я никогда в своей жизни не работал над созданием фильмов. Месяца примерно через три фильм был готов. Таким образом, первые три месяца в Лакнау я провёл, заканчивая чужую книгу и помогая Джиму снимать фильм. И при этом не было никакого намёка на то, что Пападжи хотел бы поговорить со мной о тех эпизодах своей жизни, о которых он обещал рассказать. Я несколько раз обмолвился ему об этом, но это ни к чему не привело.

Спустя несколько месяцев я предложил ему просто сесть перед камерой и рассказать обо всех главных событиях своей жизни. Я не знал, что ещё можно было придумать, чтобы он начал рассказывать.

– Я не смогу этого сделать, – сказал он. – Мне нужны какие-нибудь заметки, которые подсказывали бы мне, какие именно истории я хотел бы рассказать.

Это было похоже на очередную попытку увернуться от разговора, поэтому я решил немного надавить:

– Без проблем, – сказал я. – Я сам напишу для вас эти заметки. Я составлю список всех когда-либо слышанных мною от вас историй о вашей жизни и расположу их перечень в хронологическом порядке. Вы будете идти по списку и рассказывать о любом, каком захотите, событии.

На это предложение я не услышал никакого ответа, но, несмотря на это, я всё же составил такой список и однажды вручил его Пападжи во время его дневного чаепития. Прочтя несколько первых вопросов, он очень оживился, стал их хвалить, рассказывая, насколько они хороши и какое большое удовольствие он получит, отвечая на них. Затем он перевернул страницу и

понял, что страниц с вопросами, на которые ему предстояло ответить, на самом деле было не две, а шестнадцать.

Радостное выражение покинуло его лицо, а энтузиазм исчез.

– Это очень длинный список, – сказал он, всё его оживление уже испарилось.

– Да, – сказал я, – ведь вы прожили очень долгую жизнь, полную интересных событий.

Мне оставалось лишь надеяться, что я не провалю свой шанс, перегрузив его вопросами.

– Мне надо просмотреть всё это, – сказал он. – На полях я сделаю пометки, о чём я хочу рассказать.

Это было похоже на хорошую новость. По крайней мере, он готов был попробовать.

Список этот пролежал в его комнате несколько месяцев, причём, насколько я понял, совершенно нечитанным. Иногда я ему о нём напоминал, на что он мне отвечал, что он над ним работает. Впоследствии же, когда бы он ни рассказывал о чём-либо, он делал это, не держа в руках никаких бумаг.



**Пападжи и Дэвид Годман, держащий удава,
на мосту в Харидваре в 1993 году.**

В 1994 году я получил сообщение о том, что Аннамалай Свами хочет, чтобы я издал его книгу. Я спросил у Пападжи, на чём мне следует сосредоточиться. Здесь я должен заметить, что неофициально я был назначен преемником ещё одного проекта – книги, которая называлась «Ом Шанти». В 1992 и начале 1993 гг. Пападжи начинал свои ежедневные сатсанги с краткого вступления, темой которого могла быть любая из вдохновивших его в тот или иной день. Эти беседы были записаны, и из них планировалось составить книгу. В какой-то момент предполагалось, что этим займётся Кэтрин Ингрэм, но когда она написала Пападжи, что не сможет этого сделать, то тут же добавила: «Может быть, вместо меня это сделает Дэвид».

Пападжи прочёл это письмо вслух и сказал: «Да, Дэвид сможет это сделать». В тот момент я сидел в дальнем углу комнаты, но он на меня даже не взглянул, и он никогда не просил меня заняться этим официально. Поскольку в дополнительной работе я тогда не нуждался – мне уже по горло хватало своей – сам я не поднимал эту тему вплоть до разговора, который у нас с ним состоялся в 1994 году.

Я ему сказал:

– Меня попросили приехать в Тамил-Наду, чтобы проконтролировать издание книги об Аннамалае Свами. Косвенно вы упомянули о том, что хотели бы, чтобы я редактировал книгу «Ом Шанти», а вопросы по вашей биографии всё ещё вами рассматриваются. Что бы вы хотели, чтобы я делал и в каком порядке?

– Много ли работы осталось до завершения «Ом Шанти»? – спросил он.

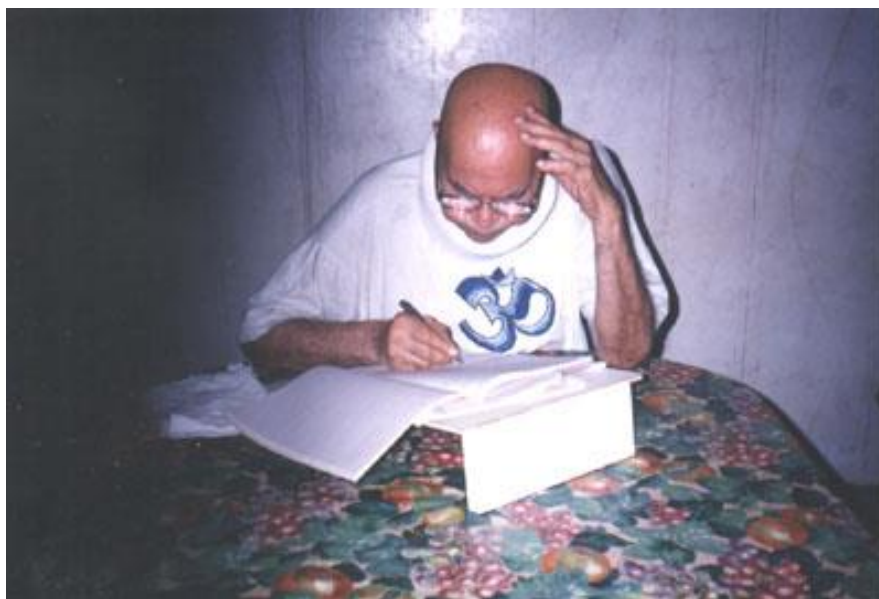
– Первый вариант уже написан, – сказал я, – но он никому не нравится. Если я возьмусь за эту работу, то мне, наверное, придётся начать с нуля и сделать всё заново. На это может уйти несколько месяцев.

– Хорошо, – сказал он. – Нам этот проект больше не нужен. В нём нет необходимости. Возвращайся в Тируваннамалай, печатай свою новую книгу, и, когда вернёшься, мы начнём работу над моей биографией.

Это было тем, что я хотел услышать. Я получил разрешение уехать и издать книгу Аннамалае Свами, мне удалось избежать работы, которой я совсем не хотел заниматься, а Пападжи пообещал, что, как только я вернусь с юга, он начнёт работать над моим главным проектом.

Однако далее события разворачивались иначе. На самом деле планы редко сбывались, если к ним был причастен Пападжи. Как только я оставил его дом, уехав в Южную Индию, он отправил кого-то на рынок за большой тетрадь. Он нашёл у себя список моих вопросов, сдул с него пыль и принялся на эти вопросы отвечать, записывая ответы в купленную тетрадь. Люди, которые там находились, рассказывали, что он проводил по несколько часов в день за терпеливым продвижением по моему шестнадцатистраничному вопроснику. И чувствовал он себя при этом, должно быть, весьма некомфортно. Дело было летом, часто случались сбои с электричеством, и к тому же на шее он носил специальный бандаж, поскольку страдал спондилитом. Бандаж очень мешал ему смотреть вниз на страницы, когда он писал. Однако он втянулся в эту работу, сидел за ней каждый день и к моему приезду написал почти 150 страниц. Но как только я вошёл в дом, он отложил ручку в сторону и с этого момента больше не притрагивался к этому занятию. Я много раз задумывался над этим явлением, но в голову мне так и не пришло ни одного толкового объяснения. Зачем ему нужно было ждать полгода, пока я уеду из города, чтобы приступить к записям своих воспоминаний, и почему он прекратил делать эти записи, как только я вернулся? Он просил меня стать его официальным биографом, но похоже было, что, когда я был рядом, он был просто неспособен отвечать на вопросы. Следует также добавить, что никто из знавших его людей никогда не смог бы упрекнуть его в робости или застенчивости. Если он хотел что-нибудь сделать, он это делал, и если он хотел что-нибудь сказать, то никакие социальные условности или правила

вежливости не могли помешать ему сказать именно то, что он хотел. Он был настоящим бульдозером во всём, что делал.



Пападжи в шейном бандже отвечает на вопросы

Эти истории, написанные от руки, были именно тем, что мне требовалось для того, чтобы начать работу над книгой. Наряду с хорошими версиями тех рассказов, которые уже были мне знакомы, там были также описания множества таких случаев, о которых я никогда не слышал раньше. Я организовал, как следует, свой рабочий процесс: нашёл себе компьютер; пригласил добровольцев, имевших желание прослушивать старые записи сатсангов для поиска всех возможных вариантов историй, рассказанных Пападжи; начал собирать письма всех людей, которым он когда-либо писал; написал всем людям, чей адрес нашёлся в его адресной книге; и начал проводить интервью со всеми теми людьми, которые, как я знал, были с ним связаны. Эта работа была очень долгой и в то же время чрезвычайно отрадней. Я увидел, как много людей со всего мира, благодаря Пападжи, прошли через полную трансформацию, причём иногда всего лишь после одной встречи с ним. Когда бы у меня ни возникала необходимость в получении дополнительной информации, я составлял список вопросов, и Пападжи письменно на них отвечал. Похоже было, что такой формат устраивал его больше, когда он имел дело с тем, что касалось истории его жизни. Однако, когда бы я не задавал ему вопросы о его учении, он приносил мой список на сатсанг и уже там давал ответы, в результате чего пользу получали все.



**Пападжи, Альмира и Дэвид Годман
в их доме в Лакнау.**

На протяжении большей части своей жизни Пападжи запрещал своим преданным рассказывать о нём. На строжайшей секретности он настаивал, чтобы защитить свою частную жизнь. Когда я начал рассылать письма его старым преданным, прося их рассказать свои истории, они в свою очередь незамедлительно слали письма Пападжи, спрашивая у него, как им следует поступить. В своих письмах я всем объяснял, что делаю это с разрешения Пападжи, и всё-таки все они чувствовали совершенно справедливую потребность это проверить. Пападжи просил, а в некоторых случаях даже приказывал этим людям рассказывать мне их истории. В результате от некоторых преданных я узнал о таких событиях, о которых они не говорили даже членам своих семей.

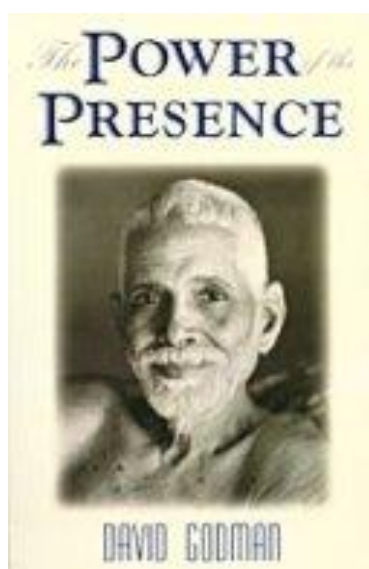
Каждый раз, заканчивая очередную главу, я отдавал её Пападжи для чтения и проверки. Поначалу он сперва просматривал новый материал дома, а затем приносил его на утренний сатсанг и там читал вслух. Однако спустя какое-то время, он просто говорил: «Положи это в сумку для сатсангов. Я прочту это завтра». Должен признаться, я был тронут тем доверием, которое он проявлял в таких случаях. Не думаю, что я бы согласился читать вслух свою биографию перед двумястами человек, не проверив прежде, что в ней написано. Сначала он вносил некоторые исправления в тексты, но после того, как я понял, какой стиль подачи событий ему нравится, он редко прикасался к написанному. Он даже перестал читать рукопись с ручкой наготове. И единственное, что он исправлял, читая последние несколько сотен страниц, были имена некоторых индийских преданных, которые я неправильно написал, поскольку никогда раньше не видел, как они пишутся. Последнюю часть материала он прочёл приблизительно за месяц до своего ухода в 1997 году. Иногда я сожалею, что не работал быстрее, чтобы успеть вручить ему экземпляр первой книги. Эта книга вышла только в середине 1998 года.

После смерти Пападжи в сентябре 1997 года я закончил работу над «Ничто никогда не случилось» и вернулся в Тируваннамалай, где с тех пор и живу.

Мишель: Над чем вы начали работать после возвращения? Над чем вы работаете сейчас?

Дэвид: Какое-то время я не делал ничего. Я сделал перерыв в писательстве. До середины 1998 года я ещё читал корректуры «Ничто никогда не случилось», но после этого сделал полный отдых от книг, который длился около года. Пападжи просил меня отредактировать его састанги, проходившие в Лакнау, и издать их отдельной книгой. Он даже сказал, какого она должна быть формата. Это большая работа и я только сейчас к ней приступил.

В 1999 году я неожиданно вспомнил о книге мемуаров старых преданных Бхагавана, над которой начал работу ещё в 1980-х гг. В течение десятилетия всё моё внимание поглощали две книги об Аннамалае Свами и четыре книги о Пападжи, но когда один из моих здешних друзей попросил дать ему взглянуть на одну из неопубликованных глав книги воспоминаний, я вынул всё из папки и перечитал, наверное, впервые за десять лет. Увидев, что у меня есть масса хорошего материала, заслуживающего публикации, я начал на его основе создавать книгу. Так два года назад был начат этот проект, трёхтомник «Сила присутствия», завершённый совсем недавно, когда я получил, наконец, из печати последний том.



Сила присутствия

Мишель: Сейчас свои книги вы издаёте сами. Что привело вас к такому решению?

Дэвид: В середине 2000 года я обратился к издательству «Пингвин» в Дели, чтобы узнать, не заинтересует ли их издание серии, впоследствии вышедшей под названием «Сила присутствия». И также я хотел выяснить, насколько интересным будет для них издание индийского варианта книги «Ничто никогда не случилось», поскольку тогдашнее индийское издание было слишком уж дорогим. Эта книга и сейчас продаётся только в американском издании. В Индии она стоит 45 долларов, то есть более 2100 рупий. Но здесь вряд ли кто-нибудь позволит себе купить книгу по такой цене.

Когда я пришёл в главный офис издательства «Пингвин Индия» в Дели на встречу с редактором отдела духовной литературы, она заявила, что книга «Будь тем, кто ты есть» в «Пингвине» не издавалась, и у них нет никакой информации ни об этой книге, ни обо мне. Я не мог поверить, что она говорит это серьёзно, однако именно так и было. Более десяти лет эта книга постоянно находилась в печати в индийском отделении «Пингвина», и при этом, по словам редактора, никакой информация о ней не было ни в их каталогах, ни в компьютерах. Я решил не иметь дела с компанией, которая может относиться к книгам и авторам до такой степени безответственно, что в её компьютерах затем не обнаруживается никаких следов названий и имён. Причём утерянной оказалась информация не только об английском издании – редактору ничего не было известно и о версиях, издававшихся на нескольких индийских языках.

У меня всегда возникали неприятные ситуации в отношениях с коммерческими издательствами. Когда в середине 1980-х гг. впервые была издана книга «Будь тем, кто ты есть», издательство мне об этом не сообщило и даже не прислало экземпляр. Первый увиденный мною экземпляр книги был прислан мне по почте другом, который купил его в магазине подержанной литературы.

В итоге я решил издать «Силу присутствия» самостоятельно. Я чувствую, что мне приносит большое внутреннее удовлетворение возможность быть задействованным во всём, начиная с идеи и заканчивая распространением и сбытом книг в местах, находящихся на расстоянии тысяч миль отсюда.

Мишель: Кроме новых книг о Пападжи, будет ли в ближайшем будущем опубликовано ещё что-нибудь?

Дэвид: Сейчас я работаю над книгой, в которой учение Бхагавана будет представлено ещё в одной форме, и надеюсь, что выйдет она где-то в конце этого года. Содержание книги будет основано на высказываниях Бхагавана, изложенных Муруганаром в его тамильском труде «Шри Рамана Падамалай». Возможно, новая книга будет названа так же. Есть ещё несколько идей, но они настолько неопределённые, что мне даже не хочется начинать об этом разговор. Думаю, что на сегодня рассказов было вполне достаточно. Я уже несколько месяцев не говорил так много и чувствую, что теряю голос. Приходите ко мне через год и спросите: «Что нового?», и, может быть, у меня будет, о чём ещё вам рассказать. На сегодня достаточно...



Муруганар

Постскриптум

В прошлом году в своём блоге я разместил рассказ о времени, проведенном мной в 1983 году в Лондоне, – о том периоде, когда я искал работу и в итоге получил контракт на написание книги «Будь тем, кто ты есть». И поскольку в этом рассказе содержится информация, связанная с некоторыми историями из интервью Мишель, то я привожу её и здесь.

В 1983 году я жил в Лондоне в доме моего друга. Её партнёр, Пирс, знал в Хэмпстеде человека, которому нужен был кто-нибудь для присмотра за его домом, пока он будет в отъезде на отдыхе. Пирс, бывший давним преданным Бхагавана, представил меня этому человеку и дал мне рекомендации. Владельцем дома был вышедший на пенсию профессор искусств, долгие годы преподававший в престижной Лондонской художественной школе. В академических кругах он прославился обнаружением зашифрованной розенкрейцерской символики в картинах вековой давности. В те дни во избежание преследований со стороны церкви нехристианские сообщества вынуждены были распространять свои идеи нестандартными путями. Я уже не помню имени этого профессора, поэтому буду называть его просто «профессор». Он преподавал перспективу, самый, пожалуй, скучный предмет в любой учебной программе по живописи, но его самого этот предмет восхищал. Как-то раз он рассматривал старинное полотно, изображавшее бальную сцену, в которой танцоры с важным видом двигались по чёрно-белому, раскрашенному, словно шахматная доска, полу, уходящему вдаль. Он говорил о том, что все углы и перспективные сокращения квадратов пола являются очень правильными, и что это придаёт данной перспективе весьма реалистический вид. В качестве упражнения по перспективе и для собственного удовольствия он изобразил вид танцевального зала с точки расположения люстры, другими словами, он представил вид зала сверху, в результате чего все квадраты стали

именно квадратами. И тут он обнаружил, что весь пол покрыт символикой розенкрейцерского учения, которую нельзя увидеть, глядя на зал под углом зрения изобразившего его художника. Для искусствоведов это стало весьма радостным событием, благодаря которому следующие несколько лет они были заняты изучением изображений полов на всех остальных старинных картинах, чтобы проверить, не скрыто ли что-нибудь и в них. Углы, оптика и перспектива завораживали этого человека, и он был справедливо почитаем как учёный, открывший новую область в истории искусств.

Наша первая встреча, бывшая чем-то вроде собеседования при приёме на работу, закончилась тем, что мы разговорились о Плотине, неоплатоническом мистике. Я знал о нём из литературы о мистицизме, а профессор знал о нём потому, что Плотин был автором, по всей видимости, первого в мире научного труда по оптике. Профессор считал, что тот, кто может умно рассуждать о Плотине, определённо ему подходит, поэтому я и получил эту работу.

Он представил меня людям, жившим в соседнем доме, поскольку не хотел, чтобы, увидев входящего в его дом незнакомца, они вызвали полицию. Я был представлен как человек, живущий в ашраме в Индии и проводящий в Лондоне свой долгий отпуск.

«Мой брат тоже уехал в Индию, чтобы жить в ашраме, – сказала соседка. – Это место называется Тируваннамалай. Вы когда-нибудь слышали о таком?».

Я засмеялся и сказал, что живу в том же ашраме. Сообщение этой женщины меня заинтриговало, я захотел узнать о её брате больше и спросил, как его звали и когда он там жил.

Выяснилось, что её брат приезжал в Индию во время Второй мировой войны и во время этого приезда посещал Бхагавана в Тируваннамалае. Этот визит произвёл на него глубокое впечатление. По окончании войны он решил вернуться в Индию, чтобы жить в Тируваннамалае постоянно. Он продолжал там оставаться и после смерти Бхагавана и умер там же в 1950-х гг. Его сестра сказала, что похоронен он был где-то рядом с Раманашрамом.

Она назвала его имя, и я был несколько удивлён тем, что никогда раньше о нём не слышал. Я спросил её, действительно ли она уверена, что её брат жил именно возле Раманашрама, а не возле какого-нибудь другого ашрама. Она пошла в другую комнату и вернулась, неся папку с его письмами, которые она хранила. В их обратных адресах был указан Раманашрам, датированы они были 1940-ми и 1950-ми годами, и в них упоминались также и другие иностранцы, такие как Кохен и Чадвик.

Я не помню имени этого человека, но знаю, что точно его записал, поскольку хотел поинтересоваться в Раманашраме, не помнит ли его там кто-нибудь. По возвращении в ашрам я говорил с Кунжу Свами, Рамасвами Пиллаем и некоторыми другими людьми, но никто из них так и не смог вспомнить таинственного британского солдата, полюбившего Бхагавана, переехавшего в Тируваннамалай и умершего здесь. С. С. Кохен, возможно, и мог бы мне что-нибудь о нём рассказать, но он умер за два года до этого случая.

Мы вернулись в дом профессора, где он кратко проинструктировал меня по поводу моих обязанностей. Они были не слишком обременительными. Дом перешёл к нему по наследству в 1950-х гг., и частью этого наследства была большая черепаха, жившая в саду. Её возраст насчитывал несколько десятков

лет, она была впечатляющих размеров, но при всём этом не особо умной. Сад был устроен террасами, и привычкой всей жизни черепахи было подходить к краям этих террас и сваливаться на нижележащий уровень, причём часто на спину. Чтобы облегчить ей передвижение по разным уровням, для неё были устроены специальные наклонные переходы, о которых она часто забывала. Лёжа на спине, черепахи, кажется, могут жить не дольше двадцати четырёх часов. Единственной моей домашней обязанностью, сказал профессор, было один раз в течение дня пойти в сад, найти черепаху и удостовериться, что она находится в правильном положении. Ради этого в моё распоряжение был предоставлен особняк миллионера, располагавшийся в одном из самых дорогих и престижных районов Лондона. Как раз то время лучшие дома в городе скупали богатые арабы. Поэтому ещё одной моей простой обязанностью, кроме проверки, в правильном ли положении находится черепаха, было говорить «нет» всевозможным агентам, которые могли позвонить в дверь и предложить за дом баснословную сумму. Пока я там был, не приходил никто, но профессор говорил мне, что в последние несколько недель ему уже несколько раз предлагали суммы, значительно превышающие миллион фунтов. Такими были цены в 1983 году. Думаю, что сейчас продажная цена дома, подобного этому, может уже превышать десять миллионов.

Это был огромный особняк, и казалось, что всё в нём было старинным и ценным: полы устланы старинные персидские ковры, на книжных полках стояли оригинальные издания книг XVIII и XIX столетий в кожаных переплётах, картины, естественно, были подлинниками, ценными предметами старины была наполнена даже кухня. Я обнаружил это, когда завтракал там впервые. Я помыл ложку и положил её сушиться на подставку для сушилки. Когда через пару часов ложка почернела, я понял, что она была сделана из чистого серебра. Я нашёл на ней пробирное клеймо и затем в поиске маркировки осмотрел также и суповую чашку, из которой утром ел свою кашу. Оказалось, что она была сделана из мейсенского фарфора, и, по-видимому, тоже была старинной. Желая избежать каких-либо бытовых неприятностей с посудой, я пошёл в супермаркет и купил дешёвые тарелки, чашки и столовый прибор, чтобы пользоваться этим, пока я буду жить в профессорском доме.

Внизу, в подвале, стояли тысячи бутылок, по моим догадкам, очень хорошего вина. О качестве вина я судил лишь по ценам, указанным на невскрытых ящиках. Позже я узнал от Пирса, что одной из причин, по которой профессор доверил мне свой дом, было то, что он считал маловероятным, что *садху* из Индии устроит бурную вечеринку, на которой будет выпито всё его вино. И всё же его доверие показалось мне весьма удивительным. Он передал мне свой дом всего лишь после двадцатиминутной беседы, увидев меня впервые в своей жизни. Несмотря на то, что домашнее добро профессора вполне могло стоить столько же, сколько и сам дом, мне было разрешено присматривать за всем этим хозяйством после самой беглой оценки.

В центре дома находилась гостиная, хотя думаю, что все предшествующие владельцы давали этой комнате намного более звучные названия. Её огромные эркерные окна выходили в террасный сад, спускающийся от дома вниз по склонам. Хэмпстед расположен на невысоком холме. За стеной сада передо мной лежал, раскинувшись, весь Лондон со

своими знаменитыми историческими сооружениями, одним из которых был Кафедральный Собор Святого Павла, отчётливо просматриваемый вдали. Напротив окна стоял клавикорд XVIII века и более современный клавесин. Оба инструмента были настроены и готовы к игре. Глядя на роскошную лондонскую панораму, я решил довершить красоту момента разучиванием фрагмента какого-нибудь старинного музыкального произведения и его исполнением на старинном клавикорде. Я выбрал лёгкий отрывок одного из произведений Баха, ноты которого обнаружились внутри скамеечки, и затем, смахнув пыль со своей памяти о музыкальных уроках и невольно перенёсшись мыслями в то время, когда мне было лет восемь-девять, я три дня посвятил разучиванию моего маленького отрывка.

Профессор, уехавший в отпуск, был человеком привычки. Каждый год в один и тот же месяц он отправлялся на Нормандские острова, чтобы провести время со старым другом. В тот год он уехал, находясь под впечатлением от странных совпадений, связанных с темой Раманы. Сначала мой друг Пирс открыл ему, что он был преданным Раманы, тогда профессор услышал это имя впервые в жизни; затем я был представлен ему как преданный того же Гуру; и, наконец, во время нашего визита к его соседям, он впервые узнал, что брат соседки жил в Раманашраме, рядом с которым был затем похоронен. В первый же вечер, проведенный со своим другом, у которого он остановился, профессор рассказал ему эту странную историю. Его друг молча всё это выслушал, а затем на несколько минут покинул комнату. Вернулся он с огромной стопкой книг о Рамане. Таким образом выяснилось, что самый старый и лучший друг профессора несколько десятилетий был преданным и никогда не говорил ему об этом. Он предпочитал хранить это в тайне, но история профессора заставила его эту тайну открыть.

Всё это профессор рассказал мне по возвращении. Он расценил случай с братом своей соседки, похороненным в Тируваннамалае, просто как странное совпадение, но открытие, что его старейший друг, будучи на протяжении многих лет преданным Раманы, никогда не говорил ему об этом, шокировало его по-настоящему.

Наверное, эта история должна была закончиться тем, что профессор увидел свет и обратился к Рамане. Однако этого не случилось. Как я уже говорил, он был человеком привычки. Он снова вернулся к своей музыке и к своему искусству, и об этом случае рассказывал, наверное, лишь для поддержания светской беседы. С тех пор я больше никогда его не видел.

Закончив эту зашедшую в тупик историю, дальше я расскажу о Пирсе, моём друге, представившем меня профессору. Познакомился я с ним в 1970-х гг. в Тируваннамалае, куда он приезжал каждую зиму. В Лондоне он работал то садовником, то маляром, то есть занимался такой работой, которая позволяла ему делать зимний перерыв и ездить в Тируваннамалай. В Лондоне он вёл жизнь по западным меркам аскетическую. Спал он на полу скудно обставленной комнаты, внимание в которой привлекали портреты Раманы, несколько книг о нём и изображения Бога. Он любил спокойно сидеть в своей комнате, погрузившись во внутреннюю тишину. Его нужды были минимальными, поскольку он жил в доме своей матери. Обычно он ходил на работу, ел дома и не испытывал никакого интереса к трате денег на обычные

потребительские предметы. Он жил как *садху* и в Лондоне и в Тируваннамалае. Работа отнимала у него лишь столько времени, сколько ему было необходимо для обеспечения себя заработком, достаточным для покрытия своих скромных финансовых расходов первой необходимости, не более. При таком жизненном укладе он мог жить, работая полнедели, а то и меньше, даже при минимальной зарплате. Как ему удавалось оплачивать свои поездки в Индию? Пирс говорил мне, что если Рамана хотел, чтобы он зимой приехал в Индию, то делал так, что в августе или сентябре он получал большой заказ на работу. Когда такие предложения поступали, он видел в этом знак, что должен их принять и отложить из них достаточное количество денег для путешествия в Индию. И такое случалось почти ежегодно.

В его *садхане* был ещё один впечатливший меня момент. Он писал Рамане письма обо всём, что происходило в его жизни. Эти письма он «отправлял», бросая их через специальную прорезь, проделанную в коробке, стоявшей под фотографией Раманы. Поступая таким образом, Пирс считал, что Рамана полностью информирован обо всех событиях его жизни.

С Пирсом мы примерно одного возраста. Несколько лет назад его неожиданно посетила такая мысль: «Что со мной будет, когда я состарюсь?» Его работа требовала физической крепости, у него не было никакого пособия, никаких сбережений и собственного жилья. Такого рода внезапные мысли могут вызывать паническое состояние у большинства людей, но Пирс рассудил, что об этой мысли он просто скажет Рамане и предоставит разобраться с этим ему. Он изложил свою проблему на листе бумаги, который «отправил» затем в свою коробку.

Тем временем его мать, которая, кстати, тоже была преданной Раманы, гостила у своей подруги в Хэмпстеде, том же районе, где находился дом моего профессора искусств. Той женщине – подруге матери Пирса – было восемьдесят с небольшим лет, и она была бессемейной. Она спросила у Энни, матери Пирса, может ли она оставить ей свою квартиру, принимая во внимание то обстоятельство, что ей некому передать её по наследству. Энни проконсультировалась со своим юристом (ещё одним преданным Раманы), который сказал, что, учитывая налоговые и другие нюансы, связанные с оформлением наследства, было бы лучше записать квартиру на имя её сына, Пирса. Энни согласилась. Она действительно хотела, чтобы у Пирса была собственная квартира. В её случае своё жильё она не могла ему передать. Ни Энни, ни юристконсульт не знали о письме, написанном и «отправленном» Пирсом Бхагавану. Когда пожилая подруга матери умерла, мать Пирса предоставила ему отдельную квартиру.

Таким образом, после того, как Пирс отправил Бхагавану своё письмо, совершенно чужой человек, хотя и непрямо, но оставил ему свою дорогостоящую квартиру, находившуюся в очень престижном районе Лондона. Поскольку квартира требовала капитального ремонта, после смерти женщины Пирс взял кредит, сделал ремонт и выплачивал суммы по кредиту, сдавая квартиру в течение двух лет. Думаю, что мораль этой истории заключается в следующем: если вы действительно сможете передать все свои ноши Рамане, он будет более чем рад взять на себя ответственность за них.

Пирс, между прочим, сыграл важную роль в реализации моей профессиональной писательской карьеры. В 1983 году, примерно в то время, когда я жил в доме миллионера, я был безработным и активно искал работу, которая могла бы дать мне достаточно денег, чтобы я смог вернуться в Индию и жить в Тируваннамалае. Я считал себя вполне образованным и компетентным, однако не смог найти никого, кто заинтересовался бы мною как работником. Я не метил слишком высоко: один раз мне отказали даже в работе по уборке мусора в Лондонском зоопарке, по всей вероятности, из-за того, что во время собеседования я засмеялся в неподходящий момент.

Я жил в особняке миллионера в Хэмпстеде, а мне отказали даже в должности уборщика мусора, впрочем, так же, как и во всех прочих должностях, на соискание которых я подавал заявки.

И вот в один прекрасный день того лета Пирс представляет меня хозяину дома, находящегося рядом с домом его матери. В то время я жил в её доме, ночуя в подвале в спальном мешке. Хозяин соседнего дома был преподавателем философии Лестерского университета, и такая же профессия была у его жены. В Лондон он тогда приехал, чтобы отдать в печать философский труд, написанный его женой. Издатель, узнав о том, что он тоже был философом, сказала: «Почему бы и вам не написать философскую книгу? Мы всегда заинтересованы в новых книгах по философии».

Я наострил уши, слушая это. К тому времени я уже написал «Ум исчез, я – Сущее» и некоторое время был редактором «Горного Пути». Я чувствовал, что я более чем готов к написанию книги о Рамане. Я взял у преподавателя философии номер телефона редактора и позвонил ей, правда, без особых надежд на успех. Большую часть того лета мне отказывали в приёме на самые грубые виды работ, а моё ограниченное представление о писателях было таким: написав свою первую книгу, автор затем целый год получает отказы от длинного ряда издательств.

Однако реакция редактора на моё предложение была далеко не пренебрежительной. Придя в сильное волнение, эта женщина сказала: «Кладите трубку и приходите сюда немедленно! Вы нам нужны. Не идите больше никуда. Приходите как можно скорее, мы всё обсудим».

После нескольких месяцев насмешек и отказов со стороны потенциальных работодателей такая перемена, я должен сказать, была весьма приятной. Я пришёл, меня провели в офис редактора, и через полчаса я вышел оттуда с контрактом, согласно которому я должен был ехать в Индию и писать «Будь тем, кто ты есть». Я знаю, что книга имела успех как с коммерческой точки зрения, так и с точки зрения критики – вот уже двадцать пять лет она постоянно переиздается и переведена, по меньшей мере, на пятнадцать языков – но, оглядываясь назад, я понимаю, что эта женщина пошла со мной на риск. Как автор я был неизвестен, и у меня не было никакого опыта. Я не набросал даже краткого содержания книги, которую собирался писать. Мне пришлось его придумать, уже находясь в редакторском офисе.

Всё, что я могу сейчас сказать, это то, что мне судьбой было назначено вернуться в Индию и писать о Бхагаване, и сила, создавшая этот сценарий, устроила также и так, что эта женщина, вопреки всем разумным коммерческим

суждениям, сказала: «Вот контракт. Подпись поставьте здесь. Отправляйтесь в Индию и пишите вашу книгу».

Последнее слово об этом я оставляю Бхагавану:

«Чувство “я работаю” является препятствием. Спросите себя: “Кто работает?” Вспомните, кто вы есть на самом деле. Тогда работа не будет связывать вас; она будет выполняться автоматически. Не предпринимайте усилий ни к работе, ни к отказу от неё; ваше усилие само есть узы. То, чему суждено случиться, случится. Если вам суждено не работать, то даже стремясь к работе, вы не найдёте её; если вам суждено работать, то работы вам не избежать – вы будете вынуждены заниматься ею. Итак, оставьте работу Высшей Силе; по своей воле отказаться от неё или удержать её вы не можете». (Евангелие от Махарши, стр. 5).